

Перед тем как сесть, Тань Цзысянь поднял запястье и взглянул на часы.

- Тридцати минут должно хватить.

Если разговор продолжится слишком долго, он легко может стать напряженным и зайти в тупик. Но если он продлится слишком мало, это тоже будет нехорошо, потому что такое означало бы, что они не смогли поладить или уже пустили в ход кулаки. Тань Цзысянь полагал, что тридцати минут будет в самый раз – даже если Шень Янь и Цю Тяньян поссорятся, у них останется достаточно времени, чтобы высказать свое разочарование, прежде чем они причинят друг другу серьезный вред.

Тань Цзысянь нашел себе место и спокойно постучал о деревянную стойку, чтобы привлечь внимание бармена, – по-видимому, он уже привык к обстановке этого бара.

- Пусть обсуждают свои дела, а мы тем временем выпьем. Погляди, что бы ты хотел заказать?

Через какое-то время, не услышав от Ци Цзина ответа, Тань Цзысянь взглянул в его сторону. Ци Цзин смотрел в том направлении, откуда они пришли, с тяжелым выражением на лице – похоже, он беспокоился о том, как будет развиваться этот разговор.

Тань Цзысянь щелкнул пальцами у него перед лицом, заставив его резко вернуться к реальности.

- Извини, о чем ты меня только что спросил? – смущенно улыбнулся Ци Цзин.

У Тань Цзысяня слегка скривились губы. Когда он получил принесенное барменом меню, он не стал передавать его Ци Цзину, узурпировав право выбора.

- Слишком поздно, ты не ответил, так что я решу за тебя. Ты пришел вместе со мной выпить, а сам отвлекся – раз уж на то пошло, я закажу тебе самое дорогое, погоди и почувствуешь боль, когда увидишь счет!

- Ха-ха, – на этот раз Ци Цзин рассмеялся по-настоящему, сел рядом с ним и великодушно предложил. – Давай-давай, заказывай и себе тоже. Это за мой счет – в качестве извинения.

Тань Цзысянь заказал два фирменных напитка этого заведения: для Ци Цзина – из белого рома и коньяка прозрачно-золотистого оттенка, а для себя – молочно-белый коктейль на основе абсента и шампанского. Оба коктейля были довольно крепкими, но первый был чуть слабее второго.

Выслушав объяснения бармена, Ци Цзин даже ткнул Тань Цзысяня локтем, пока тот заказывал напитки:

- Тебе завтра еще делать записи, после такого крепкого коктейля ты правда будешь в порядке?

- Не волнуйся, - Тань Цзысянь слегка улыбнулся, - я часто пью такое и поэтому привык. В любом случае я смогу выдержать такую крепость. А ты?

- Я тоже хорошо переношу алкоголь, - засмеялся Ци Цзин. - Мне частенько приходится выпивать с высоким начальством во время светских мероприятий, так что со временем я привык.

В этот момент он неожиданно вспомнил вечер, когда они пили вместе с Шень Янем. Той дождливой ночью оцепеневший Шень Янь держал его за руку и позволял вести себя, как потерянное дитя, даже непонятно почему обнял его у двери и тихим голосом умолял не уходить... Стук дождя за окнами, когда они впервые поцеловались на той кровати, а потом в первый раз ощутили, как это - засыпать в тепле объятий друг друга.

Когда воспоминания о прошлом пронеслись у Ци Цзина перед глазами, словно кадры кинофильма, его взгляд потеплел от нежности, которую он был не в состоянии сдержать.

- А он алкоголь и впрямь переносит плохо, - Ци Цзин не уточнил, кого он имел в виду, но по его обожающему тону догадаться, о ком он говорил, мог любой. - Он может опьянеть от одного бокала красного вина... Хотя он такой милый, когда это случается.

- Угу, у этого парня толерантность к алкоголю тоже плохая, - следующие слова Тань Цзысяня походили на каплю чернил, падающую в воду, - тихо, но быстро они растеклись под поверхностью точно так же, как дрожь в сердце Ци Цзина. - Вероятно, это семейное...

Ци Цзин был потрясен и несколько мгновений не мог ничего сказать.

Он пару раз моргнул, в шоке глядя на Тань Цзысяня, и ему потребовалось некоторое время, прежде чем он снова смог думать и говорить.

- Ты сказал, что...

- Я говорю, что это семейное, - повторил еще раз человек, сидевший с ним рядом, выражение лица у него совершенно не изменилось; он поднял бокал, чтобы попробовать напиток. - В любом случае, ты рано или поздно об этом бы узнал.

Инстинктивно прикрывший рот рукой Ци Цзин услышал свой собственный вздох. Ему показалось, что сердце у него подпрыгнуло прямо до головы и заколотилось там - кровяное давление подскочило так высоко, что у него немного закружилась голова.

- Как... Но у этого парня фамилия не Шень, - пробормотал он в сильном шоке, неосознанно отрицая сказанное.

В этот момент Тань Цзысянь продолжил:

- Да, но фамилия его матери - Шень.

Шень.

Эта фамилия и все, что было с ней связано была для них самой неловкой и неподходящей темой. Тем не менее, Шень Янь предпочел заговорить об этом первым.

Услышав, что тот проявил инициативу и заговорил, ошарашенный Цю Тяньян все же издал удрученный смешок и опустил взгляд.

Неожиданно сцена стала не такой неловкой. Вместо того, чтобы назвать ее неловкой, было бы точнее сказать, что она оставила после себя привкус горечи.

- Дядя... у него все хорошо, - Цю Тяньян сцепил руки на коленях и машинально потер друг о друга большие пальцы, чтобы успокоиться и сделать свою позу максимально естественной. - Он больше не живет в Пекине, можешь быть спокоен. Здесь вы с ним не столкнетесь.

Комната погрузилась в тишину.

Шень Янь долгое время хранил молчание, от чего Цю Тяньян не был уверен - не сдерживал ли тот желание задать следующий вопрос и узнать побольше подробностей, например, таких, как место, где находится его отец?

Шень Янь не стал дальше поддерживать разговор, но Цю Тяньян медленно произнес:

- Дядя уже вышел на пенсию и поселился за границей. Он сейчас в Канаде, потому что... - сказав это, он замолчал, понизил голос и продолжил, заговорив осторожным тоном:

- Потому что твоя младшая сестра поступила в магистратуру университета Торонто и уехала туда, чтобы продолжить учебу, так что...

Человек, сидевший напротив, по-прежнему молчал, наблюдая за ним с равнодушным выражением лица и не проявляя никакой реакции. Но, на самом деле, отсутствие реакции было для Цю Тяньяна хорошим знаком.

По крайней мере, по сравнению с тем взглядом, полным боли и глубокой ненависти в прошлом... это было намного лучше.

- Похоже, ты не так сильно реагируешь на упоминание дяди и его семьи, как раньше, - в голове у него возникла эта мысль, и он, сам не осознавая того, произнес ее вслух.

Когда Цю Тяньян понял, что сказал, то, испугавшись, вздрогнул, закрыл рот и пожалел, что вовремя не прикусил язык. А Шень Янь просто продолжал молча сидеть, никак не отреагировав даже на эти слова, словно был сделан из глины.

- Я знаю, что тогда дядя тебя обидел, - спустя долгое время Цю Тяньян наконец-то поднял эту тему. - И я, я тоже...

- Хватит, - в этот момент Шень Янь внезапно перебил его, явно не желая больше слушать, но Цю Тяньян проявил настойчивость.

- Ты можешь меня выслушать на этот раз? У меня никогда не было возможности поговорить с тобой лицом к лицу - одного раза мне хватит, так что, пожалуйста, выслушай то, что я хочу тебе сказать.

Шень Янь не ответил, но и не стал ему отказывать.

Цю Тяньян глубоко вздохнул. На его сцепленных руках поблескивали холодные и влажные капельки пота. А начало его рассказа было ярким, красочным, с домашними и семейными картинками, полными праздничной атмосферы...

- Когда я был маленьким, дядя с семьей постоянно приезжали к нам на Новый год... Мы ели вместе, вместе болтали... В моем представлении дядя всегда был надежным человеком, который всегда заботился о своей семье и всегда о ней думал. Их семья из трех человек казалась мне счастливой и гармоничной. В то время мой отец практически каждый день уезжал проводить деловые переговоры, и мама тоже была занята работой, так что шансов собраться вместе у нас было немного. Поэтому я завидовал тому, насколько образцовой была семья моего дяди.

Верно, образцовой.

Глава семьи внешне казался строгим, скупым на слова и улыбки, но перед близкими проявлял свою нежную сторону. Его жена была достойной и грациозной, у ее семьи было очень респектабельное положение. Дочь была умной и милой.

Неважно, шла ли речь о главе семейства или его домочадцах, для Цю Тяньяна все они были идеальным шаблоном, по которому он хотел выстроить свою собственную будущую семью.

- Вплоть до того дня... Когда я понял, как ошибался...

Слово за словом он складывал свой рассказ, и нежный и теплый тон, который был слышен

вначале, медленно сползал вниз, словно слои оберточной бумаги, а под ними в конце концов открылась коробка, полная тьмы.

- В тот день я услышал, как тетя плакала и говорила маме о том, что у дяди есть где-то любовница, и что сыну, которого эта женщина родила моему дяде, уже за двадцать, и что на самом деле он тайно воспитывался в семье Шень с молчаливого одобрения дяди...

У него на мгновение перехватило дыхание, и в голосе послышалась какая-то боль:

- Я... То, во что я верил почти двадцать лет, рухнуло за одну ночь - это чувство, что тебя предали, понимаешь?

Шень Янь не сказал ничего, его губы с начала и до конца рассказа были сжаты в линию - только глаза опустились чуть ниже, чем прежде.

Цю Тяньян в оцепенении продолжил:

- Я могу говорить только за себя, и я скажу... Но тетушка была ко мне действительно добра. С тех пор, как я был маленьким, и до того, как я вырос, она всегда, приезжая к нам, дарила мне вкусную еду и игрушки, и улыбка у нее была такой доброй. Когда я услышал, что дядя сделал что-то, что причинило ей такую боль, меня начало трясти от ярости.

Сказав это, он горько рассмеялся:

- А еще я тогда понял, что на самом деле я тебя знаю - точно, я обнаружил, что это было вовсе не совпадение, что я тебя знаю, ведь дядин отец... то есть твой дедушка, приложил к этому руку.

- [Тяньян, могу я тебя попросить ради меня позаботиться об одном мальчике?]

Старый человек, которого он не видел уже давно, вдруг появился на пороге своей дочери. Он тихо вошел в дом и почти ничего не сказал. Он просто потянулся и нежно взял внука за руку, ведя незначащий разговор о недавних событиях. А затем, когда в разговоре упомянули, что внук вместе с несколькими друзьями занимается онлайн-озвучкой, дед внезапно произнес эту фразу.

Позаботиться о ком-то?

Кажется, в этом нет ничего сложного.

На тот момент в их группе было всего пять человек, и онлайн-озвучка только-только начала развиваться - о каком-либо «круге любителей озвучания» даже речи не шло, да и публика была

немногочисленной и разрозненной. Актеров озвучания было еще меньше, так что новый человек просто отлично вписался бы в веселую компанию. Тем более, что старый человек привел очень своеобразную причину своей просьбы: «У этого ребенка нарушение речи, и я надеюсь, что так он сможет постепенно его преодолеть. А, может быть, вы еще и подружитесь?»

И поэтому, недолго думая, он согласился. Хотя его мать, сидевшая рядом, глядела как-то обеспокоенно и слегка уклончиво, он не стал особо глубоко в это вникать и просто взял у старика контактные данные этого человека.

Онлайн-отношения отличаются от реальных по двум параметрам.

Во-первых, тут не нужно встречаться с человеком лицом к лицу.

Во-вторых, не нужно знать настоящие имена друг друга.

- Дедушка специально сохранил твое имя и личность в секрете. Он надеялся, что мы сможем познакомиться, не зная друг друга, что мы постепенно сблизимся, и таким образом наладятся твои отношения с другими членами семьи Шень в нашем поколении, - тихо сказал Цю Тяньян, опустив голову и глядя в пол.

Капли воды, которую он только что пролил, упали прямо между ним и Шень Янем, своими пятнами обозначив разделявшую их пропасть. Но вода со временем высыхает, а значит со временем исчезнут и границы между ними.

- Он всегда думал, что... в твоих жилах течет кровь Шень, так что рано или поздно ты вернешься к нам, став членом нашей семьи.

К сожалению, тайна вышла наружу: и месяца не прошло, как дядина жена узнала об этом плане и пришла искать маму Цю Тяньяна. Полная негодования и печали она плакала и устраивала сцены:

«Я столько лет делала вид, что не замечаю, как ваша семья Шень тайно его воспитывала, и, так как он не предпринимал никаких шагов, смирилась! А теперь вы хотите открыто вернуть этого внебрачного ребенка в семью?! Ты его сестра, и если ты закроешь на это глаза, что тогда будет со мной и моей дочерью из семьи Шень?»

Бросив его мать, которая не знала, что делать, и поэтому предпочла промолчать и не высказываться, женщина повернулась, схватила его за рукав. По ее лицу текли слезы, и она вцепилась в него, как утопающий цепляется за соломинку: «Тяньян! Тяньян! Разве ты не знал, с кем связался?!»

Он не знал. Он понял это только в тот самый момент. Понял, кем был «Шесть», кого именно он привел в их группу озвучания в качестве шестого участника.

И, как только он это понял, его сердце охватила непреодолимая ярость...

- В то время моей единственной мыслью было... - отстраненно, слово за словом произнес он. - Было... как преподать тебе, ублюдку, рожденному от любовницы, такой суровый урок, чтобы ты упал и никогда больше не посмел подняться.

В те времена и с точки зрения традиционной морали, и с точки зрения общественного мнения у всех сохранялось сильное предубеждение и против третьих людей, вмешивающихся в чужой брак, и против детей, рожденных вне брака.

«Они, должно быть, недовольны тем, что я родила всего лишь дочь, поэтому и решили защитить сына твоего дяди от какой-то там женщины, чтобы обеспечить продолжение рода Шень, чтобы передать фамилию и наследство! А как же я, законная жена твоего дяди, и его законный ребенок?! Где для нас справедливость?!» - несчастным голосом говорила женщина.

Несмотря на то, что все эти причины были тем, что она вообразила сама, он всем сердцем верил им, не зная правды, стоявшей за всеми этими событиями.

...Верно, а что еще он должен делать, кроме как бороться на стороне законной жены? Не поддерживать же любовницу?

...Разве это не то, что сделал бы каждый?

- Ха... - Цю Тяньян говорил так долго, что от обезвоживания у него немного охрипло горло, и чем дольше он говорил, тем бессвязнее становилась его речь, и в конце концов она оборвалась на этом месте. Цю Тяньян устало потер виски, и несколько прядей волос рассыпалось - отражение его состояния.

Вдруг он глубоко вздохнул, откупорил стоявшую перед ним бутылку вина и налил себе полстакана. А потом выпил одним махом.

В этот момент Шень Янь поднял на него глаза, но не сказал ни слова и только смотрел, как исчезает вино.

Цю Тяньян допил спиртное, поставил бокал на стол и наконец-то с помощью алкоголя произнес те слова, которые больше всего не хотел произносить.

- В то время я был слишком самоуверенным, особенно с тех пор, как попал в круг озвучания - я так обнаглел после того, как у меня появились собственные фанаты. После того, как я решил преподать тебе хороший урок, с виду я продолжал говорить, что помогу тебе справиться с расстройством речи, но на самом деле я только и ждал, что ты выставишь себя дураком.

- Но я не ожидал, что ты так серьезно к этому отнесешься. Ты так старался играть вместе со

всеми во время озвучания, все тебя любили, и это в свою очередь заставило меня осознать свои собственные недостатки. В то время... Я был так похож на этого Башню Бронзового Воробья. Я знал, что мой голос – это мое преимущество, и воспользовался им, чтобы сделать карьеру в кругу, а изобилие похвал от моих фанатов привело к тому, что я стал таким высокомерным, что я даже не вкладывал душу в игру. И когда я увидел, как ты добросовестно играешь во время репетиций и прогонов, мне просто... еще больше захотелось тебя раздавить.

Он сделал паузу, его голос дрожал. Признаться в этой части собственного прошлого было намного труднее, чем он себе представлял, это было гораздо позорнее.

Только когда Цю Тяньян произнес это вслух, он понял, насколько отвратительным было его поведение в те времена...

- Я никогда не давал тебе и шанса сыграть главного героя, каждый раз подбрасывал тебе самые незначительные, самые невостребованные роли, даже находил для тебя какие-то... какие-то сценарии с сюжетами о внебрачных детях. Слыша, как ты все время делаешь ошибки во время этих репетиций по Скайпу, я был так доволен собой, сидя за экраном...

В этот момент он протянул руку, желая налить себе вторую порцию.

Неожиданно Шень Янь выхватил бокал Цю Тяньяна, не давая к нему притронуться.

- Хватит, – он произнес это слово второй раз за вечер, все так же невыразительно, но на этот раз более весомо.

Цю Тяньян тупо уставился на руку Шень Яня, которая его удерживала, его расфокусированный взгляд колебался. Его внимание было приковано даже не к самой руке, а к рассеянному отражению света в бокале. Даже его речь казалась беспорядочной.

- Когда я узнал, что ты гей... Я с радостью побежал и сообщил об этом тетушке, сказал, что ты точно не будешь претендовать на право сестры на наследство, ведь ты не сможешь передать своим детям фамилию Шень.

- На самом деле у меня нет никаких предубеждений по поводу гомосексуализма, потому что среди актеров озвучания много геев... Тогда я сказал ей это в надежде развеять ее опасения, но я не ожидал, что... Я не думал, что она расскажет это всей дядиной семье, чтобы тебя унижить...

Губы Шень Яня шевельнулись, его тон был похож на чистый лист бумаги – его не окрашивали никакие эмоции:

- Я – это просто я. Неважно, сказала ли она это, или нет, я могу быть только собой.

Точно так же, как и в последний год его учебы в старших классах, когда эта женщина впервые узнала об его существовании и устроила в школе такую грандиозную сцену, что все узнали о том, что он – незаконнорожденный. Тогда он тоже не стал это опровергать.

Потому что правда оставалась правдой.

Кто бы это не говорил, когда бы они это не говорили, и даже кому бы они не говорили... Ничто не могло изменить эти объективные факты.

- Я тот же, каким и был. Я не нуждаюсь в том, чтобы отец меня признал. Я не хочу, чтобы он вмешивался в мою жизнь. Мне не нужно ничего из его собственности... – он смотрел прямо на Цю Тяньяна и тяжело дышал, с трудом пытаясь сдержать эмоции.

- Но есть одна вещь, которую я ни за что не отдам, – слово за словом хрипло произнес он.

Цю Тяньян потерянно на него уставился.

Прошло некоторое время, прежде чем он слабо и уродливо улыбнулся.

- Ты говоришь о квартире, в которой ты вырос? – спросил он, изо всех сил стиснув пальцы. Но, несмотря на этот жест, он все равно не смог скрыть своего беспокойства:

- Эта квартира... Та, о которой я слышал, когда дедушку положили в больницу? Это та квартира, откуда по указанию моей тетушки я чуть тебя не выгнал?

В этот момент Шень Янь внезапно встал, схватил его обеими руками за воротник и рывком поднял с дивана.

- Это единственное, что ты не можешь у меня отнять, воспоминания, которые остались у меня о дедушке...

Его руки, сжимавшие рубашку Цю Тяньяна под узлом галстука, тряслись.

Его голос тоже дрожал. Кто знает, что было тому причиной, – печаль при воспоминании о смерти деда или отчаяние и ярость, которые он испытал, борясь на холодном как лед полу, когда члены семьи Шень не позволили ему войти в больничную палату, чтобы увидеть дедушку в последний раз. Кто знает, были ли причиной тому воспоминания, но вдруг, несмотря на все усилия, слезы брызнули у него из глаз и покатались по щекам.

Примечание автора.

Мне кажется, что после того, как эта глава закончится, «Пять» будет хорошенько избит всеми читателями... (Вперед, поколотите его! ← Хей!)

Я прежде видела, что в комментариях читатели думали о том, что «выгнать» относилось к «выгнать из круга любителей онлайн-озвучки». На самом деле эти ребята в основном занимались озвучанием в качестве хобби. Единственным, кто действительно серьезно к этому относился, был «Пять». Даже «Два» не особо старался получать роли в аудиодрамах (вот почему его никто не знал). Что он имел в виду под «выгнать» должно быть очевидно после этой главы.

...Хотя я думаю, что из-за этого его только сильнее побьют...

Ну и напоследок: хотя «Пять» на пару лет старше Папы Котика, но тогда он реально был не больно-то разумным... (ставит за него свечку). И, хотя они не братья, всеобщие предположения были достаточно близки к реальности.

P.S.

Я хочу специально ответить некоторым комментаторам, которые по поводу предыдущей главы сказали, что 2Янь ведет себя слишком «по-девчоночьи». Честно говоря, пока я писала эту часть, я вообще этого не чувствовала, я только думала, что он немного показал свою детскую сторону. Я не знаю, что эти люди понимают под «вести себя по-девчоночьи». Быть невинным? Романтичным? Живым? Милым? Или, может быть, разыгрывать драму? Действовать напоказ? Изображать чунибьё? Или синдром принцессы? Даже если это что-то из того, что я здесь перечислила, я считаю, что для влюбленной пары, которая пошла на свидание, в этом нет ничего неприличного.

Если же подумать насчет того, реалистично это или нет, то я знакома в реале с парнем, большим и крепким мужиком ростом выше 180 сантиметров. По его внешнему виду можно сказать, что конечно же, он гун, но на самом деле он шоу. И со мной и нашими друзьями он вел себя очень даже как топ, очень ответственно, с твердой позицией, но как только рядом оказывался его парень, он начинал вести себя мило и избалованно. Я думаю, что, увидев такое, вы бы тоже сказали, что он «ведет себя по-девчоночьи»? Но это явно именно то, что им обоим нравится в их отношениях. Разве не слишком утомительно, когда ты, даже будучи вместе с любимым человеком, не можешь расслабиться и просто время от времени притворяться избалованным?

Ну а если говорить только о последней главе, то прямо перед этим 2Янь сказал, что поможет Папе Котика оплатить обучение и будет работать, чтобы обеспечить их семью. Я всегда считала, что «Я тебя обеспечу» – это одна из самых мужественных фраз. Но несмотря на то, что это случилось в той же главе, почему никто не сказал, что он вел себя мужественно?

Учитывая все вышеперечисленное, я считаю, что 2Янь столкнулся в комментариях с немного

несправедливым отношением. Вы можете сказать, что я слишком чувствительна, или что я не воспринимаю чужое мнение. Я не хочу обесценивать чье-либо мнение, я просто высказываю свои мысли, вот и все. (Кстати говоря, Папе Котика действительно не везет под день рождения - в прошлом году в его день рождения начались драки после их первой интимной сцены, а потом соревнования... (:3□∠)_ Надеюсь, что на этот раз все просто прочитают то, что я хотела сказать и не будут уделять этому слишком много внимания).

<http://bllate.org/book/13906/1225680>